

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Н.О. Косицына

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
e-mail: kosicinata@gmail.com*

Е.В. Пузанова

*Магистрант филологического факультета
e-mail: elenka.puzanova1996@yandex.ru*

Курский государственный университет

Данная статья посвящена описанию сложных имен прилагательных, выявленных в повестях К.Д. Воробьева. Установлено, что сложные слова являются важным элементом идиолекта писателя, особая роль отводится композитам с колороосновами.

***Ключевые слова:** сложное прилагательное, композит, колоратив, К.Д. Воробьев.*

В центре внимания многих исследователей в настоящее время продолжает находиться язык писателей. При этом особый интерес для лингвистов представляют тексты писателей-земляков, так как, с одной стороны, в них находят отражение местный языковой материал [Праведников, Черемисина [http](#)], с другой – отражается мировосприятие художника слова (в том числе через призму локальных явлений/событий) [Косицына [http](#)].

Предметом нашего изучения стали языковые особенности произведений К.Д. Воробьева, в первую очередь – семантика и функционирование сложных прилагательных в повестях, различных по своей художественной задаче и тематике, представленных в пятитомном собрании сочинений [Воробьев 2008]. Нами проанализированы одиннадцать произведений, в которых методом сплошной выборки было выявлено 607 слов в 708 словоупотреблениях. Установлено, что сложные прилагательные активно функционируют в каждой повести. Однако распределение композитов неравномерно, зависит не только от тематической направленности, но и от объема художественного текста. При этом можно выделить наиболее частотные, повторяющиеся композиты (лексемы приведены в порядке убывания частоты употребления): *светлоголовый* (22), *прошлогодний* и *военнопленный* (11), *разноцветный* (9), *противотанковый* (8), *двухэтажный* (6), *красноармейский*, *рыжебородый* и *совхозный* (5), *железнодорожный* (4); *ярко-зелёный*,

литовско-немецкие, детприёмовский, противогазный (3); ярко-желтый, темно-синий, самодельный, простоволосый, одно-единственное, малолетний, чернозёмный, тёмно-зеленый, западногерманский, малоземельный, противопехотный, сорокалетний, белоголовый, сахарно-белый, левофланговый, старомодный, сельскохозяйственный (2).

Квантитативные характеристики изучаемых текстов позволяют высказать следующие соображения: отдельные композиты находят отражение на страницах только одного произведения (*светлоголовый (22)* в повести «Почём в Ракитном радости», *совхозный (5)* в повести «Последние хутора»); другие сложные прилагательные проявляют активность в большем количестве текстов (например, *прошлогодний (11)* – «Друг мой Момич», «Почем в Ракитном радости», «Я слышу тебя», «Последние хутора», «Вот пришёл великан...», *разноцветный (9)* – «Почем в Ракитном радости», «Убиты под Москвой», «Это мы, Господи!..», «Я слышу тебя», «Последние хутора», «И всему роду твоему», «Крик» и др.), однако абсолютное большинство лексем представлено единичными словоупотреблениями (95 %).

Высокая частотность прилагательного *светлоголовый (22)* проявляется только на страницах повести «Почём в Ракитном радости». С его помощью автор дает ёмкую и четкую характеристику персонажа, который не знаком героям произведения. В некоторых случаях прилагательное субстантивируется, реализуясь в тексте в качестве собственного имени существительного: *Я хотел повторить это, чтобы вызвать у него хоть небольшое впечатление от совершённого им позора, но Светлоголовый крикнул: «Хватит», и мы пошли своей дорогой* (Почём в Ракитном радости: 2: 299).

Сложное прилагательное *совхозный (5)* в повести «Последние хутора» описывает явления и предметы советской действительности и сочетается со следующими существительными: *жизнь, флигелек, кузница, посева, дорога*. Употребление композита обусловлено тематикой произведения, в котором повествуется о литовской послевоенной деревне.

Тематическая обусловленность использования сложных слов прослеживается во многих произведениях К.Д. Воробьева. Так, например, лексемы *красноармейский, противотанковый, противопехотный, противогазный, левофланговый* употреблены в текстах, которые могут быть объединены темой «военные действия, воспоминания о войне» («Убиты под Москвой», «Крик», «Это мы, Господи!..» и др.).

Кроме того, в границах одной авторской повести может органично функционировать несколько сложных прилагательных. Так, в произведении «Почем в Ракитном радости» нами зафиксированы композиты *светлоголовый, военнопленный, прошлогодний, разноцветный, двухэтажный, сорокалетний, белоголовый, простоволосый*, в «Убиты под Москвой» – *разноцветный, противотанковый, двухэтажный,*

красноармейский, ярко-зеленый, противопехотный. Например: *Есть свыше четырёхсот противопехотных и противотанковых гранат (Убиты под Москвой: 3: 46)*.

В прозе К.Д. Воробьева композиты чаще всего используются для характеристики человека. Во-первых, это указание на возраст (*тридцатилетний секретарь, малолетний сирота, малолетний сын, семимесячная дочь и др.*): *Андрей, заметив седину на висках у тридцатилетнего секретаря, решил, что человек он хоть и молодой, но, видать, хвативший горя (Последние хутора: 4: 30)*. Во-вторых – описание внешнего вида человека, где автор подчеркивает общее впечатление о персонаже (*румяно-красивый человек, радостно-улыбчивый облик, бегемотно-тяжёлый вид*). Данные эпитеты можно разделить на две группы: с положительной (*благополучный, гостеприимный, доброжелательный, жизнелюбивый*) и явно негативной оценкой (*выставочно-показной, зловредно-перекорный, нагло-уверенный, нечистоплотный*): *Сыромукову незачем было гадать, кто мог загорать в отшибном одиночестве на лестничной ступеньке водолечебницы, – в позе малютки столько крылось зловредно-перекорного, непримиримого, вызывающего на отпор! (...И всему роду твоему: 4: 271)*.

Также обратим внимание на то, как автор характеризует походку персонажей (*развально-потягушечья походка, перебойно-дробные шаги*), давая не только описание движения, но позволяя читателю понять внутреннее эмоциональное состояние героя: *Я стоял и слушал шаги двоих – удаляющиеся перебойно-дробные ее, будто она готовилась и не решалась бежать, и размеренно-пристойную мужскую кладку каблуков того, кто нас «застукал» (Вот пришёл великан: 5: 17)*.

В-третьих, К.Д. Воробьев сосредоточивает внимание на портретных характеристиках, используя при этом не только узуальные сложные прилагательные (*иссиня-желтоватое лицо, сахарно-белые зубы, белоголовая девушка, рыжебородый кутеповец, простоволосая Катерина и др.*), но и нередко окказиональные (*иссиня-чугунное лицо, напряженно-ищейское выражение лица, надменно-ироническая улыбка, восторженно-дурацкая улыбка, бородато-лобастый мужик*): *Простоволосая Катерина, довернув до отказа хобот пулемёта, дала по ним недлинную очередь (Сказание о моём ровеснике: 1: 67); У Евдокии Гавриловны мгновенно пройдет напряженно-ищейское выражение лица (мы никакие не проверяющие), и она снисходительно, хотя и не догадываясь, кто мы, скажет протяжно и в нос (Генка, брат мой: 4: 234)*.

Глаза и взгляд человека в прозе К.Д. Воробьева становятся важным показателем эмоционального состояния героев, выражением их душевных переживаний, поэтому большая часть композитов указывает не столько на размер, форму и цвет глаз (*миндалевидные глаза, кареглазая женщина, блёкло-синие глаза, орехово-золотые глаза*), сколько на те качества,

которыми обладает человек, и на те чувства, которые подчеркивает выражение глаз (*равнодушно-покорные глаза, любопытно-тревожный взгляд, безмятежно-добрые глаза, тревожно-утайный взгляд, пытливо-настороженный взгляд, просветленно-радостный взгляд, насмешливо-пристальный взгляд, угрозно-неотрывные глаза, радостно-шалые глаза и др.*): Тут нужны были *гостинцы*. Или хотя бы приличные брюки на мне, потому что тётка Мирониха, хлопотавшая у стола, раза два окинула меня **пытливо-настороженным** взглядом (Почём в Ракитном радости: 2: 279).

Интересно употребление сложных прилагательных в сочетании с существительными, номинирующими чувства и эмоции: *полынно-горькая тоска, пугающе-внезапное чувство, мучительно-радостное чувство, мечтательно-тревожная истома, мучительно-неизъяснимое горе и обида*. Например, национально и эмоционально маркированная лексема *тоска* сочетается с композитом, значение которого строится на наложении семантики слов *полынный* и *горький*: *В сердце его не было теперь ни боли, ни страха, в нём оставалось одно нераздельное чувство **полынно-горькой** тоски да безотчетное желание навсегда остаться в этой голубой полутьме амбара* (Сказание о моём ровеснике: 1: 69).

Нередко композиты определяют наименования элементов одежды, обуви и головных уборов (*краснооколышные фуражки, пламенно-кумачная рубаха, дымно-серый френч, домотканые штаны, короткополый полушубок, красноармейская пилотка, зеленовато-мышастые френчи, железнодорожная шинель, старомодный картуз*), зачастую прилагательные характеризуют военное обмундирование: *Они оба были в **зеленовато-мышастых френчах**, и автоматы у них свисали на животы, и оба смотрели на мои петлицы* (Крик: 3: 206). Кроме того, сложные слова широко сочетаются с существительными тематической группы «война» (*победно-яростная стрельба, западногерманские машины, тактико-инженерные занятия, красноезвездные самолёты, противотанковый ров, противогазная сумка, бронебойно-зажигательные патроны, крупнокалиберные пулемёты, отрывисто-круглые выстрелы, неподвижно-приземистый танк и др.*): *Его окоп извилисто пролегал в глубь деревни на виду **противотанкового** рва* (Убиты под Москвой: 3: 27).

Природные явления и объекты (*обмякло-рыхлое небо, слепяще-синяя зыбь, больно-летучие градины, льдисто-каменные градины*), представители флоры (*стыдливо-сокровенная завязь ореха, шелестяще-ломкий чабрец, ладанно-пахучий чабрец*) и фауны (*одичало-испуганное мяуканье, огнисто-вороной петух, лилово-вороной кочетище*) в произведениях К.Д. Воробьева нередко определяются сложными прилагательными: *Он почти вырос дикой мятой, а там, где кромка берега была доступна солнцу, розовыми круглыми наметями стлался чабрец –*

ладанно-пахучий и шелестяще-ломкий, как иней (Вот пришёл великан...: 5: 97).

Объектом характеристики становится и лексика, называющая звуки, издаваемые людьми, неживыми предметами, производимые в природе (*торопливо-крякающий голос, хихикающе-задумчивый смех, иступленно-гневный голос, благополучно-прорывный всхрип, душераздирающий вой*): Он путался в фалдах зимней шубы Матвея Егоровича, подгоняя его, и вдруг выхватил из открытого горлышка бутылки какой-то **непутево-трубный** озорной звук (Сказание о моём ровеснике: 1: 54–55). Например, для описания ржания лошади автор использует достаточно ёмкий окказиональный композит *рассыпчато-призывное* со значением ‘раскатистый, вибрирующий звук, призывающий к себе, звучащий призывом, манящий’: *Я уже падал, но всё же успел увидеть на выгоне кудлатую пегую лошадь и услышать её **рассыпчато-призывное** ржание, сразу же пресечённое трубным гоготом жеребца* (Друг мой Момич: 2: 146).

Маняще-сладкий, едко-кислый, сытно-хмельной или душно-пряный запах, горько-жёлтая вонь – сложные прилагательные в повестях К.Д. Воробьева оригинально представляют способность воспринимать запахи различных веществ: *Сыромукову было противно ощущать и переносить **едко-кислый** запах собственного пота, выступившего в поросли живота, и казалось невероятным и противоестественным, чтобы эта красивая молодая женщина в элегантном тугом халате, пахнущем прохладной фиалковой чистотой, не испытывала к нему безглагового отвращения* (...И всему роду твоему: 5: 250).

Особый интерес представляют сложные прилагательные, корневой морф которых связан с цветоименованием. В текстах повестей нами выявлено 157 цветокомпозиций в 194 словоупотреблениях.

Сложные колоративные прилагательные в рассмотренных нами повестях это, во-первых, лексемы с формантами *ярко-, темно-,* уточняющие интенсивность окраски (*темно-зелёный, ярко-жёлтый* и др.): *Я попытался сплунуть, но что-то застряло в гортани, и тогда я потянулся рукой ко рту и вытащил **тёмно-розовый** длинный шматок* (Крик: 3: 201); во-вторых, двусоставные цветоименования, которые представляют смешанные цвета или разноцветные объекты (*бело-синий, розовато-белые, иссиня-зелёный, голубовато-сизый* и др.): ***Жёлто-коричневый** гребень бруствера присыпали снегом, дно устлало соломой, в передней стенке нарыли печурок и углублений* (Убиты под Москвой: 3: 29). Отдельную группу колоративов составляют сложные прилагательные, семантика которых складывается из суммы значений каждой основы: одна из основ указывает на цветовой признак, вторая – на отнесенность этого признака к определенной реалии (*краснооколышные, васильковоглазый, пламенно-кумачная, кроваво-огненный, красновато-дымный, зеленовато-*

мышастый, орехово-золотой, бумажно-белый и др.): Я так и не понял, что она тогда приказала мне глазами – тревожными, чёрными и большими на бумажно-белом исхудавшем лице: то ли немедленно сесть, то ли выйти, и я ничего из этого не сделал, – не сел и не вышел из комнаты (Вот пришёл великан...: 5: 159).

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать высокую активность сложных прилагательных в повестях К.Д. Воробьева. При этом подчеркнем широкий набор лексем-композигов, 95 % которых являются единичными в своем употреблении. Отдельного внимания заслуживают индивидуально-авторские сложные слова (*плакуче-истомный, игрушечно-великолепный, матово-трупный, обмякло-рыхлый*), в которых отражается индивидуальный вкус, манера, мировосприятие писателя, а также национально-специфические черты русского народа. Композиты в произведениях К.Д. Воробьева характеризуют возраст человека (*тридцатилетний*), его нравственные, поведенческие черты (*гостеприимный, нагло-уверенный*), походку (*развально-потягушечья*), черты лица (*надменно-ироническая улыбка*), глаза (*равнодушно-покорные*); элементы одежды, обувь, головные уборы (*дымно-серый френч, тупоносые сапоги*); природные явления и объекты (*отвесно-тихий дождь*), представителей флоры и фауны (*душно-сладкая сирень*), звуки (*басовито-сочный рокот*), запахи (*горьковато-влажный аромат*); сочетаются с абстрактными существительными и т. д. Однако среди всех выявленных в процессе работы сложных слов в количественном отношении и содержательном плане выделяются сложные колоративные прилагательные (*лазурно-сине-голубой, цыганово-смуглая, жидко-голубой, сквозяще-сизый, пунцоволикий, молочно-поросячий, медленно-малиновый*).

Библиографический список

Воробьев К.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Повести и рассказы. Курск: ИД «Славянка», 2008. Т. 1–5.

Косицына Н.О. Роль концептограмм при исследовании лексики религиозной культуры [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 1 (24). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/024-007.pdf> (дата обращения: 27.08.2018).

Праведников С.П., Черемисина Е.В. Диалектная основа прозы М.Н. Еськова [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 3 (22). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/022-017.pdf> (дата обращения: 27.08.2018).